

УДК 32

DOI <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3270>

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ:
КЛАССИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС

А. В. Глухова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 марта 2021 г.

Аннотация: рассматриваются основные парадигмальные подходы к трактовке политических конфликтов – структурализм и функционализм, а также новые конфликтные расколы, порожденные глобализацией.

Ключевые слова: политический конфликт, структурализм, функционализм, глобализация, космополиты, коммунитаристы.

Abstract: *the article examines the main paradigmatic approaches to the interpretation of political conflicts – structuralism and functionalism, as well as new conflict splits generated by globalization.*

Key words: *political conflict, structuralism, functionalism, globalization, cosmopolitans, communitarians.*

История становления конфликтологического знания отчетливо демонстрирует тесную взаимосвязь между происходившими общественными процессами и их осмыслением в рамках той или иной научной парадигмы. Бурные кризисные этапы в общественном развитии, как правило, выдвигали феномен конфликта в центр научного интереса; спокойные стабильные периоды, напротив, маргинализировали эту проблематику. Главный вопрос, на который пытались дать ответ представители разных концептуальных подходов, сводился к следующему: как возможно целостное существование общества и как соотносятся общественный порядок и его изменение?

Представленный вопрос породил два парадигмальных подхода к объяснению феномена социального конфликта. Первый (*структуралистский*) подход акцентировал роль *структурных противоречий* как главного условия, порождающего общественные конфликты. Возникшая в середине XIX в. модель классового конфликта К. Маркса как раз и была отражением тех общественных противоречий, которые возникли в Западной Европе на волне промышленной революции. Сложившиеся в социальной структуре европейских обществ новые классовые деления стимулировали политическую мысль к разработке иного образа будущего, свободного как от эксплуатации, так и от отчуждения, разрывавшего

ткань общественной солидарности. Выход в новое социальное пространство виделся через революционный разрыв с прошлым. Несмотря на сдержанное отношение к теории К. Маркса на Западе, его диагностика основного конфликта XIX в. как классового (т. е. *доминантного размежевания*) признается ценным методологическим приемом в анализе и современных социальных и политических конфликтов.

Этот прием, несмотря на несходство изначальных методологических подходов, применительно к новым условиям середины XX в. развил Р. Дарендорф. Доминантным размежеванием, по его мнению, является структурный конфликт между управляющими и управляемыми, свойственный любой общественной организации¹. Другой известный представитель структурализма середины XX в. – норвежский ученый Й. Галтунг подчеркивал определяющую роль *структурного насилия*², порождаемого ригидностью, неподвижностью социальных структур и провоцируемых им структурных конфликтов.

Другой парадигмой анализа социальных конфликтов является *функционализм*, представленный концепциями не менее знаменитых авторов – Г. Зиммеля и Л. Козера³ и психологической школой, отмеченной именами З. Фрейда, К.-Г. Юнга, К. Лоренца и др. Согласно их подходам, конфликт является *функцией поведения*, т. е. ход и исход конфликта зависит от поведенческих моделей его участников. Стратегии поведения могут быть *рациональными* (т. е. калькулирующими соотношение приобретений и затрат) и *иррациональными* (т. е. ориентированными на победу любой ценой), что и определяет ход и исход конфликта.

В целом эти два подхода сформировали *конфликтологическую парадигму мировосприятия*, которая исходила и исходит из того, что конфликты являются естественным феноменом общественной жизни, и стремление избавиться от них раз и навсегда противоречит самой этой жизни. Более того, конфликт – как никакой другой тип социального взаимодействия – выполняет целый ряд позитивных функций: инновационную; динамическую; диагностическую, социализирующую и т. д.⁴

Оценки нынешней ситуации в мире исполнены тревоги. Человечеству угрожает и хаос, и беспрецедентная взаимозависимость, а стремительное внедрение новых технологий грозит усугубить и обострить привычные конфликты. Новые способы обработки и передачи информации объединяют разные регионы и части света, однако полноценное осмысление ин-

¹ См.: Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы : пер. с нем. М., 2002.

² См.: Галтунг Й. Галтунг Й. Йохан – гражданин мира. По пути к миру через земной шар / пер. с норвежского С. В. Карпушиной. М., 2004.

³ См.: Зиммель Г. Человек как враг // Избранное. М., 1996. Т. 2 : Созерцание жизни. С. 501–508 ; Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О. А. Назаровой. М., 2000.

⁴ См.: Козер Л. Указ. соч.

формации отстает от ее темпов и объемов. От государственных деятелей требуется моментальная реакция, но она поступает не всегда.

Прошло три десятилетия после окончания «холодной войны» – жесткого военно-политического соперничества между двумя сверхдержавами, двумя общественно-экономическими системами. Надежды на завершение опасного противоборства оказались тщетными: человечество вступило в новую фазу конфронтации и гонки вооружений в условиях глубоко изменившегося миропорядка, революционных прорывов в военных технологиях и с новым поколением политиков, пораженных недугом национализма, милитаризма и исторического невежества. «Их разум затуманен ажиотажем по поводу экзотических вооружений, желанием рассчитаться за прошлые обиды или набрать очки в грядущей «большой игре» на грани войны»⁵. Резко возрос спрос на политиков, обладающих волей и мужеством, но сегодня такие качества редки.

Глобализация как новая повестка истории

Объяснительную рамку в анализе современных политических конфликтов задает концепт глобализации, отражающий новое качество общественных отношений, взаимосвязанных и взаимозависимых. По словам Р. Дарендорфа, «на обозримое будущее феномен глобализации станет определять повестку истории»⁶. Возникшие глобальные тренды способствуют как созданию новых, так и одновременно ослаблению старых национальных государств. Возрастает потребность в координации совместных усилий в преодолении множащихся глобальных проблем, не подлежащих решению отдельными государствами. Даже такие могущественные страны, как США, в одиночку не могут регулировать финансовые рынки, бороться с изменением климата, с эпидемическими болезнями, с международным терроризмом и т. д. В калейдоскопически меняющемся мире многие вопросы и цели остаются без ответа.

Вместе с тем некоторые цели получили свою идеологическую маркировку. Так, С. Хантингтон в своей знаменитой книге «Столкновение цивилизаций» указал на то, что большие мировые религии, прежде всего христианство и ислам, формируют основу для нового антагонизма с большим потенциалом политических и даже вооруженных конфликтов. В первые десятилетия XXI в. отчетливо различима эта противоположность, если не столкновение *глубоко секуляризованного христианства*, с одной стороны, и *нового ортодоксального ислама* – с другой. Многие насильственные столкновения с исламистскими силами на разных континентах сегодня затрагивают не только христианство, но и индуизм, иудаизм и т. д.⁷

⁵ Арбатов А. Г. Диалектика Судного дня : гонка вооружений и их ограничения // ПОЛИС. Политические исследования. 2019. № 3. С. 28.

⁶ Dahrendorf R. Der Wiederbeginn der Geschichte. Vom Fall der Mauer zum Krieg im Irak. Reden und Aufsätze. München, 2004. S. 236.

⁷ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М., 2003. С. 332.

Другая перспектива интерпретации природы этого конфликта позволяет видеть в нем противостояние *секулярных и фундаменталистских убеждений*. Если секуляризованные общества отдают Богу Богово, а кесарю – кесарево, то фундаменталисты действуют «интегрально», т. е. исходят из того, что предписания религии должны распространяться на все сферы общественной жизни⁸. В то время как в секуляризованных обществах люди могут получать экономическую выгоду от мировой экономики как частные лица, фундаменталистские общества сохраняют старые формы совместного хозяйствования и господства как плату за экономические неудачи⁹.

Эти линии расколов пересекаются с новыми политическими кливажами, содержащими в себе семена будущих конфликтов. Так, демократия далеко не везде воспринимается как неоспоримая ценность даже для тех, кто имеет выбор. Демократия и господство права все чаще преподносятся как неоимпериалистические ценности европейского и американского происхождения, неприемлемые для других стран и регионов. Один из слоганов авторитаризма, в котором элиты гарантируют своим подданным благополучие в обмен на политические свободы, звучит так: «Азия, которая может сказать нет». Как и в случае с религией, конфликт между авторитаризмом и демократией проходит не только между странами, но и внутри каждой из них. Искушения авторитаризма заметны также в Европе и Америке, в то время как многие жители Азии верят в демократию и власть закона. Отсюда новые конфликты являются одновременно интранациональными и интернациональными, и вопрос о том, кто в конце концов победит, остается открытым.

В то время как возникали новые конфликтные фронты, повседневную жизнь начала определять еще более глубокая проблематика – *аномия, дезинтеграция, распад связующих норм*, проявляющиеся как в форме самоубийств, исследованных Э. Дюркгеймом, так и убийств других людей, т. е. преступности. Социальное исключение приобретает интернациональный радиус действия. Понятие «третий мир» до сих пор адресовалось только Африке, ставшей символом исключения, но сегодня «африканцы» есть во всех частях света. Теневой стороной глобального мира становятся нищета и болезни. Среди ученых господствует солидарное мнение о том, что и в богатых странах мира значительная часть населения потеряла контакт с рынком труда, с политической общиной, с социальным участием. Эти люди ведут нищенский и часто преступный образ жизни на обочине социума, и нет никаких экономических побуждений к тому, чтобы снова интегрировать их в общественную жизнь¹⁰.

⁸ См.: *Dahrendorf R. Versuchungen der Unfreiheit (Die Intellektuellen in Zeiten der Prufung)*. München, 2006.

⁹ См.: *Ibid.*

¹⁰ См.: *Dahrendorf R. Auf der Suche nach einer neuen Ordnung. Eine Politik der Freiheit fuer das 21. Jahrhundert*. München, 2003.

Отсюда социальный конфликт XXI в. выглядит совсем не так, как классовая борьба позапрошлого века. *Возникает индивидуализированная версия старых противоборств.* Если внутри стран повестку дня определяют проблемы права и порядка, то в международном плане терроризм ставит под вопрос все допущения безопасности. Это означает, что новые конфликты в своей сущности будут скорее моральными, чем экономическими: в них речь идет о ценностях, консолидирующих общества, об их благосостоянии и распределении. Тотальная открытость пробудила тотальный запрос на закрытость, «возвращение к родовому существованию» (К. Поппер): люди, потеряв ориентиры в глобальных процессах, ищут их внутри маленьких родовых общин. Отсюда – новый регионализм, содержащий элементы этого племенного чувства.

По мнению Р. Дарендорфа, большие конфликты XX в. исчерпаны. «Описываемые в социальных категориях классовой борьбы, в экономических понятиях конфликтов между рынком и планом, в политических понятиях противоположности современных и досовременных форм правления или в международных категориях войн между первым и вторым (а возможно, и третьим) миром, они больше не описывают новую реальность мира, ставшего глобальным. Драма истории в наступившем столетии с высокой степенью вероятности найдет для себя другие темы»¹¹. Ими могут стать национализм и фундаментализм как технология массовой мобилизации в руках тех, кто постарается использовать их для удовлетворения собственной жажды власти.

Новые общественные расколы

Последствия глобализации вновь актуализировали вопрос о доминантном размежевании, или о новом основном конфликте XXI в. К. Маркс исходил из объективной, структурной принадлежности лиц наемного труда к категории «рабочий класс», объединенный самими условиями производства и выступавший в политических конфликтах XIX в. как единое целое. Сегодня же не столько социальная стратификация, сколько отнесение индивидом себя к той или иной общественной группе, самоидентификация становится определяющим фактором для политической мобилизации¹². Перед исследователями новых линий конфликтов в современном обществе встает непростая задача сочетания классических исследовательских подходов с более тонкими приемами постижения внутреннего мира человека в плане ментальных особенностей, когнитивных и символических предпочтений, эмоционального настроения, подверженности «эффекту толпы» и т. д. Ученые уже заговорили об «антропологиче-

¹¹ Dahrendorf R. Der Wiederbeginn der Geschichte. Vom Fall der Mauer zum Krieg im Irak. Reden und Aufsätze. S. 243.

¹² См.: Фукуяма Ф. Идентичность : стремление к признанию и политика неприятия : пер. с англ. М., 2019.

ской мутации»¹³, происходящей с современными людьми, что также черевато возрастающей конфликтностью.

В масштабном проекте «Политическая социология о космополитизме и коммунитаризме», выполненном немецкими учеными В. Меркелем и М. Цюрном в научном Центре социальных исследований (Берлин), изучено влияние глобализации на формирование разделительных конфликтных линий (квиважей) в современных западных обществах¹⁴. Авторы определяют основной конфликт XXI в. как противостояние между «коммунитаристами» и «космополитами»¹⁵. На основе проведенного в пяти западных странах масштабного и многопланового социологического исследования обнаружен острый конфликт на уровне индивидуальных установок относительно *государственных границ, свободы торговли, прав человека, Евросоюза и изменения климата*. И это маркирует политический квиваж между победителями и проигравшими от глобализации. Существует ясная взаимосвязь между космополитическими элитами и их привилегированной экономической и социальной позицией. На другой стороне тенденциозно оказались нижние слои общества, проигравшие от глобализации и представляющие менее компактный лагерь. Эмпирические наблюдения показывают, что коммунитаристские варианты очень часто и в большинстве своем идут рядом с этническим толкованием общины и, тем самым, с границами. Иными словами, это не только культурная, но и социально-экономическая линия конфликта. Вместе с тем культурные индикаторы проявляют себя сильнее экономических.

Таким образом, мир XXI в., видевшийся некоторым авторам «концом истории» (Ф. Фукуяма), а значит, и завершением многих насильственных конфликтов, на самом деле, становится миром «возвращения истории» (Р. Дарендорф) и, следовательно, реанимации и эскалации многих старых и новых конфликтов. У человечества есть только один выход из положения, создающего угрозу самому его существованию, и этот выход – *в институционализации конфликтного взаимодействия*, т. е. признания его как неустранимой данности и заключения его в «железную

¹³ Дзолу Д. Демократия и сложность : реалистический подход / пер. с англ. А. А. Калинина, Н. В. Эдельмана, М. А. Юсима. М., 2010. С. 300.

¹⁴ В качестве эмпирической базы принимались во внимание различные уровни политики: от национального до регионального (анализ дебатов в Европарламенте) и глобального (анализ дискуссий в Генеральной Ассамблее ООН). Были исследованы различные установки, идеологии, менталитеты или хабитуальные констелляции, включая опрос элит; изучены партийные программы и высказывания в публичных дебатах, предпринят анализ содержания газет. На уровне коллективных акторов, т. е. партий, институтов гражданского общества, был проведен дискурс-анализ текстов. 16 больших медиа были исследованы в цифровом формате.

¹⁵ Die neue Konfliktlinie und die Rolle des Politischen. Gespräch mit Wolfgang Merkel, Michael Zürn. 2020. URL: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/die-neue-konfliktlinie-und-die-rolle-des-politischen-2750/> (дата обращения: 02.05.2020).

клетку» нормативных предписаний и ограничений. Однако последние бессильны, если за ними не стоят могущественные общественные силы, заинтересованные в обуздании насильственного потенциала конфликтов. Формированию таких сил, их интеллектуальному просвещению и моральному выбору может и должна служить конфликтология как наука о возникновении, урегулировании и профилактике конфликтов.

Воронежский государственный университет

Глухова А. В., доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и политологии

E-mail: soc@hist. vsu. ru

Voronezh State University

Glukhova A. V., Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Sociology and Political Department

E-mail: soc@hist. vsu. ru